

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И КИТАЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА

15 октября 2008 г. на Экономическом факультете СПбГУ был проведен круглый стол «Экономическое развитие России и Китая: сравнительный анализ». В его работе приняли участие профессор, преподаватели и сотрудники Экономического факультета СПбГУ, а также Факультета экономики и менеджмента Уханьского университета (Китай).

С основным докладом от российской стороны выступил д-р ист. наук, профессор кафедры мировой экономики *Н. А. Ломагин*. Он отметил, что экономическое положение России в сентябре 2008 г. по-прежнему представлялось довольно устойчивым. Россия остается одной из немногих стран, экономика которой в условиях быстро развивающегося мирового экономического кризиса продолжает расти. Этот рост был связан не только с высокими ценами на энергоносители, но с остававшимся высоким внутренним спросом и значительной инвестиционной активностью. В то же время наметившееся в 2007 – первой половине 2008 г. некоторое укрепление рубля стало одним из факторов замедления темпов роста в промышленности, особенно в тех ее отраслях, которые были ориентированы на расширение экспорта. В целом сохранявшиеся в течение весьма продолжительного времени высокие цены на нефть и связанный с этим значительный приток иностранного капитала способствовали развитию двух негативных тенденций: во-первых, росту инфляции, во-вторых, быстрому укреплению рубля. С 2007 г. рост инфляции стал представлять весьма серьезную угрозу для экономики страны. Если по итогам 2007 г. Правительству в целом удавалось удерживать инфляцию на уровне около 10–11% в год, то в первой половине 2008 г. стало ясно, что по итогам года он будет существенно превзойден. Важнейшими причинами этого были, с одной стороны, рост мировых цен на продовольствие, а с другой – совокупность факторов финансового характера, среди которых, прежде всего, отмечают значительный приток капитала. Учитывая ограниченность инструментов стерилизации и весьма консервативную финансовую политику в отношении курса рубля по состоянию на конец второго квартала 2008 г., очевидно, что успешная борьба с инфляцией представляется трудноразрешимой задачей¹.

Относительно ситуации в российской экономике в контексте ее достаточно глубокой интегрированности в систему мирохозяйственных связей и зависимости от углубляющегося кризиса был высказан умеренный оптимизм по поводу дальнейшего развития событий. Речь шла о том, что повторение сценария 1998–1998 гг. маловероятно. Основаниями для оптимизма являются следующие факторы: во-первых, достигнуто достаточно устойчивое финансовое положение страны (ресурсы Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, а также золотовалютные запасы могут покрыть потребность

почти в двухгодичном импорте страны); во-вторых, бюджет в 2008 г. сбалансирован намного лучше, чем в большинстве развитых стран; в-третьих, в силу относительной неразвитости рынка ценных бумаг и ипотеки негативное влияние мирового кризиса на российскую экономику будет менее болезненным, нежели в других странах.

При подведении некоторых итогов также следует обратить внимание на важные новеллы, произошедшие в сфере планирования и финансовой политики. Во-первых, в 2007 г. впервые экономический блок Правительства перешел к трехлетнему формату при формировании бюджета. Во-вторых, были созданы фонды, формирующиеся за счет сверхдоходов от продажи нефти. Тем не менее российской экономике предстоит решить немало сложных задач, которые усугубляются развивающимся мировым экономическим кризисом. В частности, речь идет о том, что доходы на душу населения в России по-прежнему существенно ниже, чем в развитых странах. Важнейшими проблемами являются низкий уровень производительности труда, нехватка квалифицированных трудовых ресурсов, недостаточная диверсификация российского экспорта. Устойчивый рост можно обеспечить лишь посредством реформ, ориентированных на перераспределение ресурсов в пользу высокотехнологичных производств.

Одной из важнейших проблем, которые предстоит решить, является быстрое сокращение трудоспособного населения. В течение ближайших 20 лет оно сократится на 11 млн человек, т. е. на 10%. К 2025 г. около 20% населения страны будут составлять люди в возрасте 65 лет и старше. В результате появляются две новые для России проблемы: во-первых, поиск путей обеспечения экономического роста в условиях сокращения трудовых ресурсов; во-вторых, решение вопроса об источниках увеличения расходов бюджета, связанных с обеспечением социального пакета все большему числу пенсионеров². Среди способов решения этих вопросов называют, прежде всего, совокупность шагов, ориентированных на повышение производительности труда, а также более эффективное использование средств социального блока Правительства и ресурсов Пенсионного фонда. Кроме того, очевидна потребность в создании механизмов, стимулирующих привлечение накоплений граждан в Пенсионную систему.

Основным докладчиком от китайской стороны выступил заместитель директора Центра исследований экономического развития Факультета экономики и менеджмента Уханьского университета д-р экон. наук, профессор *Ма Ин*. Темой его доклада была политика децентрализации в переходный период экономического развития в Китае. Его выступление содержало следующие тезисы.

Децентрализация в Китае означала, что центральное правительство отказывалось от экономического контроля в пользу местных правительств. Передача полномочий в данной области осуществлялась по двум направлениям: во-первых, от центрального правительства часть власти и доходов переходила к местным властям, а во-вторых, доходы распределялись между государством и предприятиями и домашними хозяйствами. Таким образом, децентрализация предполагала реформу как на макро-, так и на микроуровне. Конечной целью реформы децентрализации было построение рыночно ориентированной системы с китайской спецификой.

На протяжении переходного периода в Китае использовались три типа «политики в области субсидирования»: кредиты по низким процентным ставкам и на принципах последующего списания долга, не прямые кредитные субсидии посредством финансовых трансферов, обеспеченных центральным или местным правительством для государственных или негосударственных предприятий, а также аккумуляция «плохих долгов» в государственном банковском секторе.

В Китае существует три типа предприятий: государственные, частные и сельские промышленные. Последние два типа относятся к негосударственной форме собственности. Имеется серьезная разница в масштабах инвестиций, уровне заработной платы и благосостояния, а также финансового дефицита на предприятиях трех форм собственности. Государственные предприятия испытывают меньшие бюджетные ограничения, чем сельские промышленные хозяйства, а последние – чем частные предприятия. При этом на все три уровня собственности во время реформы постоянно увеличивалось влияние со стороны местных властей.

Одной из важнейших задач переходного периода было ужесточение «мягких бюджетных ограничений» для государственных предприятий. Для полного достижения данной цели Китай выбрал путь постепенности. При этом создавалась обстановка конкуренции между местными властями. Конкуренция помогла, в конечном итоге, ужесточить бюджетные ограничения, хотя достижение данного результата потребовало определенного времени.

В 1993 г. начался новый раунд реформ в управлении государственных предприятий. Суть мер заключалась в следующем: Народный банк Китая (НБК) лишил свои территориальные отделения права утверждать кредитные планы, далее, в 1998 г., было прекращено подчинение территориальных отделений НБК местным властям. Таким образом, было устранено инфляционное давление «снизу», вызванное влиянием местных властей на кредитную политику территориальных отделений НБК. Начиная с 1994 г. государственные банки в Китае были постепенно преобразованы в коммерческие. После 1995 г. центральное правительство поощряло реформу государственных предприятий, основываясь на принципе: «контролировать крупные предприятия и позволить малым идти своим путем». Конкретными методами осуществления этой стратегии были приватизация госпредприятий районного уровня, слияние государственных и частных предприятий, акционирование. При этом осуществлялся принцип равного подхода к финансированию всех предприятий.

Новый раунд реформ был успешен с точки зрения принуждения местных властей «держаться подальше» от управления государственными предприятиями. Это было осуществлено особенно успешно в отношении малых и средних предприятий. Что касается больших предприятий, то здесь реформа столкнулась с большими проблемами. Суть их заключалась в том, что «промышленные киты» находились под контролем центрального правительства и пользовались «ценовыми субсидиями». Они не хотели расставаться с привилегиями «мягких бюджетных ограничений». В соответствующих промышленных отраслях вход на рынок был закрыт, и свободная конкуренция не допускалась. Масштабы влияния «промышленных китов» на экономику зависели от степени их лоббистских возможностей в центральном правительстве. Тем не менее к 2005 г. все привилегии вроде «ценовых субсидий» были отменены центральным правительством.

До сих пор инвестиционные импульсы, инициированные местными властями, вызывают существенные колебания на макроэкономическом уровне. Этот тип массовых инвестиций ограничен рядом конкретных отраслей (тяжелая индустрия, отрасли, связанные с инфраструктурой, и т. п.). С одной стороны, переход от «ценовых субсидий» к «кредитным субсидиям» для госпредприятий привел к тому, что был остановлен механизм «инфляционного давления снизу». В новой ситуации коммерческие банки получили возможность действовать независимо в некоторых областях. С другой стороны, изменились и приемы, с помощью которых политические власти управляют макроэкономическими процессами: в краткосрочной перспективе акцент по-прежнему делается

на административные рычаги, но в долгосрочной перспективе инструменты воздействия все более опираются на естественные рыночные силы.

В начале экономических реформ в Китае отсутствовали опытные предприниматели. Поэтому роль предпринимателей исполнили политические элиты. В силу данного обстоятельства было трудно установить критерии эффективности хозяйственной деятельности политиков-бизнесменов. Институциональные реформы проводились без предварительного долговременного плана и прочного фундамента. Однако коррекция реформы по ходу ее осуществления позволила обеспечить ресурсы как для дальнейшего развития эксперимента, так и для поддержания высоких темпов экономического роста.

Эффективное сочетание политики постепенного ужесточения финансовых ограничений со стратегией децентрализации создало условия для обеспечения макроэкономической стабильности и экономии финансовых ресурсов. Поскольку власти смогли контролировать и адаптировать макроэкономическое развитие и не допустить разжигания инфляции, цель ускорения экономического развития была достигнута.

Использование особых характеристик китайской политической системы как инструмента для достижения трех задач — облегчения институциональных изменений, макроэкономической стабилизации и высокого экономического роста является специфически китайским вариантом проведения рыночных преобразований.

С докладом, посвященным роли нефтегазового сектора в экономическом развитии России и российско-китайском экономическом сотрудничестве, выступила канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики *Л. В. Попова*. Она отметила, что с 2007 г. Россия перешла на формирование так называемого ненефтяного бюджета, т. е. в доходной части учитываются только налоговые поступления, не связанные с добычей нефти и газа³.

После 2004 г. нефтегазовый комплекс перестал служить главным источником экономического роста — центр тяжести переместился в сферу строительства, торговли, промышленного производства⁴.

Однако, несмотря на предпринимавшиеся попытки диверсификации российской экономики, преодолеть ее зависимость от экспорта энергоресурсов пока не удалось. По имеющимся оценкам, экономика страны оказалась даже в большей зависимости от сырьевого фактора, чем это было в 1990-е годы. Доля нефтегазового сектора в ВВП с 1999 г. возросла более чем в два раза, в экспорте повысилась с 50 до 65%⁵. Вклад данных отраслей в общий экономический рост страны остался на уровне 30%. Эти отрасли, несмотря на ужесточение доступа для иностранных игроков, выступали основными реципиентами прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (более 50% от всего притока в 2007 г.), тогда как в сектор обрабатывающих производств было привлечено всего лишь 15% от их общей суммы⁶.

Российская экономика остается крайне зависимой от колебаний мировой конъюнктуры, что особенно очевидно в условиях нынешнего снижения цен на нефть. Уязвимость экономики усугубляется также относительной слабостью банковского сектора, неблагоприятным деловым климатом в стране⁷.

В условиях рекордных цен на мировом рынке (до середины 2008 г.) на энергетические ресурсы, в секторе нефтегазодобычи с 2005 г. наблюдалась стагнация производства, а в 2008 г. ожидалось сокращение добычи нефти и газа в России⁸. Существовавшая практика налогообложения компаний данного сектора не стимулировала ни повышение добычи на старых месторождениях, ни вложения в разведку и освоение новых. Из-за специфики налогообложения сектора даже рекордно высокие мировые цены на нефть утратили стимулирующий эффект для развития российской нефтедобычи⁹. Путем различного рода налогов государство изымало до 92% прибыли нефтяных компаний¹⁰.

Все доходы, связанные с ростом нефтяных цен, увеличивались – таможенные пошлины, НДС, налоги на природные ресурсы в 2000-е годы выросли с 4,2 до 10,6% ВВП¹¹. Только в 2008 г. Правительством были признаны проблемы нерационального налогообложения компаний нефтяной отрасли и предложены частичные налоговые льготы для улучшения условий инвестирования. Без увеличения инвестиций со стороны компаний нефтегазового сектора обеспечить рост добычи или даже ее поддержание на достигнутом уровне в России невозможно.

В 2000-е годы Россия приступила к реализации Новой энергетической стратегии, предусматривающей разработку нефтегазовых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока с последующим выходом на рынки стран Северо-Восточной Азии. В настоящее время на страны АТР ориентировано не более 10% от общего объема экспортных поставок российской нефти (с учетом поставок с Сахалинского шельфа) – к 2020 г. доля данного региона может возрасти до 20–25% в общем нефтяном экспорте страны. Основным рынком сбыта российской нефти в АТР будет выступать Китай. В настоящее время близится к завершению строительство первой очереди нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) с ответвлением на Китай. Поставки нефти по трубопроводу в объеме до 30 млн т. в год на китайский рынок должны начаться в конце 2009 г. В этом же направлении предполагается осуществить диверсификацию российских поставок природного газа. В 2006 г. между «Газпромом» и китайской CNPC было подписано рамочное соглашение, согласно которому поставки российского газа в Китай к 2020 г. превысят 60 млрд куб.м в год (для сравнения: поставки в Западную Европу сейчас составляют 120 млрд куб.м в год). Для реализации этих договоренностей было намечено строительство двух газопроводов – западного («Алтай») и восточного. По западному газопроводу планировалось поставлять газ из Западной Сибири. Второй газопровод предполагает поставки газа с Сахалина, а также, возможно, из Восточной Сибири. Впоследствии, однако, «Газпром» утратил интерес к реализации западного варианта из-за ценовой неконкурентоспособности российского газа по сравнению как с туркменским газом, так и со сжиженным природным газом (СПГ)¹².

В условиях высокой волатильности российской экономики переход к либерализации сделок капитального характера был преждевременным. Падение цен на нефть и мировой финансовый кризис обусловили быстрый отток капитала из страны (24,6 млрд долл. в сентябре, 50,4 млрд долл. в октябре и не менее 65 млрд с 1 ноября до конца 2008 г.)¹³. Россия в ближайшие десятилетия будет вынуждена сокращать государственные расходы, поскольку государственный бюджет до 2011 г. проектировался с учетом уровня цен на нефть не ниже 70 долл. за баррель¹⁴. Сократится потребительский спрос, финансирование социальной сферы, возрастет безработица.

Доклад д-ра экон. наук, профессора Факультета экономики и менеджмента Уханьского университета *Е. Чушэна* был посвящен развитию частных предприятий в Китае и их роли в экономическом развитии страны. В докладе подчеркивалось, что в настоящее время частный сектор имеет практически такое же значение в экономике Китая, как и традиционный государственный. В соответствии со статистикой, в 2005 г. он давал 49,7% китайского ВВП. За период 1992–2002 гг. численность зарегистрированных частных предприятий возросла со 140 000 до 243 530 000. При этом число госпредприятий и коллективных хозяйств уменьшалось. Количество занятых в частном секторе достигло в 2002 г. 309 млн человек, что составило 41,9% от общего числа. Доля частных предприятий во вновь созданной добавленной стоимости равнялась 52,7%. Частный сектор обеспечил в 2005 г. 55,2% налоговых поступлений и 19,5% общего экспорта Китая¹⁵.

В отличие от традиционного госсектора и предприятий, созданных на основе иностранных инвестиций, к частным предприятиям в Китае относятся различные виды бизнеса, управляемые местными физическими и юридическими лицами, которые подчиняются рыночным правилам. В основном это индивидуальный бизнес, частный бизнес и сельские промышленные хозяйства. Реформа по созданию в Китае частного предпринимательства началась по инициативе прагматичного Дэн Сяопина в 1978 г. с введения контрактной системы в сельском хозяйстве. Домашние хозяйства подписывали с местными властями контракт, в соответствии с которым они получали право распоряжаться остатками произведенной продукции после уплаты соответствующих налогов. Эта реформа содействовала резкому увеличению сельскохозяйственного производства, что позволило не только удовлетворить основные потребности крестьян, но и обеспечить избыток сельскохозяйственной продукции. В связи с ростом производительности труда в аграрном секторе появился избыток рабочей силы. Все это способствовало развитию промышленных производств в селах и деревнях.

С целью сокращения безработицы индивидуальные предприятия были также разрешены и в городах. В соответствии с указом Государственного совета, подписанного в 1981 г., «частным лицам дозволяется нанимать 2–3 помощников, а высококвалифицированные мастера могут брать себе 3–5 учеников-подмастерьев». В 1982 г. индивидуальные предприятия получили гарантии на уровне конституции. По мере того, как эта политика развивалась, частные предприятия, имевшие более 8 наемных рабочих, наряду с индивидуальным производством начали быстро расти. Роль частного производства становилась все более значимой, особенно в вопросе обеспечения занятости.

С точки зрения осуществления институциональных реформ за основу был принят принцип «переходить реку, чувствуя под ногами камни», что позволило предотвратить значительные социальные потрясения.

Основные модели развития частного предпринимательства можно условно разделить на три вида по названию регионов, где они преобладали.

«Модель Вэньчжоу» характеризовалась развитием семейного хозяйства, небольшими объемами производства, частной формой финансирования, особой системой продаж и маркетинга, обеспеченных деятельностью тысяч профессиональных продавцов. К концу 2000 г. частный сектор давал 85% ВВП провинции, 70% общих налоговых поступлений и 95% налоговых поступлений от торговли и промышленности. ВВП на душу населения с начала реформ рос средними темпами 18% в год¹⁶.

«Модель Сунань» демонстрирует вариант индустриализации посредством развития кустарного производства в ряде районов провинции Цзянсу. Главными ее особенностями являются: активная роль местных властей в развитии кустарных и коллективных производств на начальной стадии, реформа прав собственности в 1980-е годы, уход государства от прямого контроля над предприятиями и трансформация коллективных и кустарных производств в независимые компании.

«Модель дельты реки Чжунцзян» использовала преимущества от иностранных капиталовложений, осуществленных, в основном, этническими китайцами из-за рубежа и ставших возможными благодаря привилегированному статусу «открытой зоны». Накопление капитала в частном секторе этой зоны было связано именно с приходом иностранных инвестиций, поскольку она граничит с Гонконгом и Макао, что создало исключительно выгодные условия для перестройки промышленности. Более того, эта область известна как историческая родина многих зарубежных китайцев, что содействовало развитию наземных и водных коммуникаций.

В докладе отмечен и ряд проблем в развитии частного сектора китайской экономики, которые затрагивают весь спектр экономического развития и перспективы устойчивого экономического роста.

Большинство частных предприятий, которые вышли из семейного производства, характеризуется небольшими размерами и недостаточной гибкостью в управлении. В 1990 г. на частных предприятиях работало, в среднем, 17 человек, в 1997 г. это число сократилось до 14, а к 2006 г. — до 13. При этом количество занятых на государственных предприятиях составляет, в среднем, около 50 человек¹⁷. Развитие частного сектора заключается, в основном, в увеличении числа предприятий, нежели роста масштабов частного производства. Частные предприятия меньше по объемам производства, размерам активов, среднему доходу и прибыли в сравнении с другими видами предприятий. Производство, на которых работает менее 20 человек, составляют до 70% частного сектора, а большие компании чрезвычайно редки. Частные компании быстро создаются и быстро уходят с рынка, очень редко оказываясь устойчивыми и сильными. Это приводит к тому, что они больше заботятся о краткосрочной выгоде, игнорируя стратегические задачи. Поэтому основой конкурентного поведения является, скорее, низкая цена, нежели высокое качество. Малый масштаб частного производства не способствует капиталовложениям в технологические инновации.

По причине большого избытка рабочей силы в сельской местности эластичность предложения рабочей силы является практически неограниченной. Большинство частных предприятий концентрируется в производствах с интенсивным использованием рабочей силы, производя примитивную продукцию. Требования к технологическому уровню низки. Предприятия полагаются в основном на низкую стоимость труда, не имея стимулов к созданию собственного бренда и развитию внутренней конкуренции. В результате Китай продает продукцию по всему миру, но имеет ограниченное число товаров китайских марок.

Близорукое поведение очень распространено среди частных предприятий. Так, они преследуют краткосрочную выгоду, игнорируя долгосрочные интересы, занимаясь недобросовестной конкуренцией и уделяя мало внимания престижу и качеству своей продукции. Они безразличны к вопросам защиты интересов наемных рабочих, и их деятельность зачастую приводит к загрязнению окружающей среды.

Выступление директора Центра международного партнерства Экономического факультета, канд. ист. наук, доцента *В. Е. Кузнецова* было посвящено стратегиям экономического развития России. В докладе отмечалось, что масштаб воздействия мирового кризиса на Российскую Федерацию является одним из серьезных последствий того, что наша страна предприняла плохо просчитанную попытку интегрироваться в систему, которая создавалась без России и не для России.

Российские элиты, стратегической целью которых являлась собственная интеграция в западное элитное сообщество, позволили США навязать нашей стране (в основном при помощи МВФ) присоединение к политике Вашингтонского консенсуса. При этом активно использовался шантаж экономическими санкциями за неуплату Россией добровольно взятого на себя советского долга, который в значительной степени состоял из политически мотивированных «кредитов перестройки». Стержневым элементом этой политики стала привязка российской денежной системы к поддержке доллара.

Несмотря на освобождение России от суверенной долговой зависимости, российские денежные власти продолжали жестко привязывать эмиссию рублей к приобретению долларов и связанных с американской валютой фунта стерлингов и евро. Значительная

часть валютной выручки от экспорта российских энергоносителей направлялась на приобретение долговых обязательств США и стран ЕС, т. е. на поддержку долларовой финансовой пирамиды.

Помимо прямых экономических потерь вследствие девальвации доллара эта политика влекла за собой большую упущенную выгоду из-за замораживания национальных сбережений. Они не инвестировались в развитие российской экономики, остро нуждающейся в обновлении сильно изношенной материальной базы.

Политика привязки эмиссии рубля к приобретению долларов и связанных с ним евро и фунта исключала создание полноценной национальной денежной системы и тем более превращение российского финансового рынка в один из ведущих центров глобальной финансовой системы. Таким образом, возник разрыв между задачами, провозглашенными высшим политическим руководством России, и практическим инструментарием, используемым финансовыми властями страны.

Значительная часть денежной массы в России формировалась под приток иностранных кредитов и инвестиций. Иностранные игроки доминировали на российском рынке ценных бумаг. Крупнейшие российские предприятия кредитовались за рубежом. В результате развитие российской экономики направлялось внешними интересами. Развивались лишь те виды деятельности, в которых были заинтересованы зарубежные инвесторы и импортеры.

Иностранные кредиты и инвестиции не содействовали структурной перестройке российской экономики. При отсутствии активной национально-государственной политики на данном направлении развития ситуации привело к тому, что Россия оказалась очень уязвимой перед лицом кризиса, причины и источник которого находились за пределами ее территории.

Наиболее конкурентноспособные отрасли российского производства (нефтегазовая и металлургическая), как и предполагалось, в наибольшей степени зависели от конъюнктуры цен на мировых рынках.

Сброс западными портфельными инвесторами российских активов и их «бегство в долларовую ликвидность» привели к обвалу фондовых рынков в России, по своим масштабам в несколько раз превышающему падение рынков в стране, «подарившей» миру этот кризис.

В условиях, когда ресурсы шантажа России со стороны «коллективного Запада» полностью исчерпаны, а высшее политическое руководство страны провозглашает и реализует внешнеполитическую линию, которая содержит в себе конфронтационные элементы по отношению к США и их ближайшим союзникам, было бы логично согласовать с данными тенденциями стратегию экономического развития России.

Оптимизация стратегии экономического развития России напрямую связана с оптимизацией системы общественного выбора. Несовершенство и непрозрачность последней приводят к значительным возможностям для лоббирования групповых интересов, а также к сочетанию элементов стратегий, которые трудно совместимы между собой.

Это снижает потенциал общественной поддержки правительственной политики, что особенно существенно в условиях мирового экономического кризиса. 56% россиян, по данным ВЦИОМ, ничего не знают о планах Правительства по борьбе с кризисом¹⁸. При этом понимание и осознанная поддержка гражданами экономической стратегии руководства страны могут и должны быть важным ресурсом противодействия последствиям кризиса.

Доклад д-ра экон. наук, профессора Факультета экономики и менеджмента Уханьского университета *Вэнь Цзяньдуна* был посвящен проблеме неравномерности распределения доходов в Китае. Его основные идеи заключались в следующем.

Китай переживает продолжающийся быстрый экономический рост в течение 30 лет, начиная с реформы 1978 г. Однако рост ВВП сопровождается постоянным увеличением разрыва в уровнях дохода различных слоев китайского населения. С 1982 по 2002 г. коэффициент Джини вырос в Китае с 0,249 до 0,454¹⁹. Соотношение доходов 10% самого бедного населения страны к 10% самого богатого изменилось с 2,92 раз в 1985 г. до 5,02 раз в 2000 г.²⁰ По этому показателю Китай обгоняет не только развитые, но и многие развивающиеся страны.

Существует взаимосвязь между ростом неравенства в доходах населения, а также низким качеством китайской продукции и уровнем ущерба, причиняемым окружающей среде.

По сравнению с шоковой терапией в России, реформа в Китае была более постепенной. Но, как учил Дэн Сяопин, рыночно ориентированные реформы должны были позволить одной части китайцев стать богатыми раньше, чем другой.

В 1980-е годы граждане, которые не были государственными чиновниками или не работали на госпредприятиях, оказались первыми богатыми людьми в Китае. В основном они были плохо образованы или даже отсидели в тюрьме. Собственно, их плохая образованность и тюремное прошлое стали главной причиной того, что они пошли в рыночную экономику без особых колебаний, по той простой причине, что у них не было выбора, кроме того, который основное население Китая полагало путем к нестабильности и неопределенности.

Возникла новая группа богатых людей, часть из которых вышла из среды государственных монополистических гигантов, вроде энергетического или финансового секторов. Также состояния делались за счет привилегированного положения госслужащих, имевших возможность взимать ренту со своего статуса. Это означало своего рода коррупцию.

В мировой экономике Китай находится на периферии, далеко от развитого центра. Для периферийной экономики характерны худшие, по сравнению с центром, условия с точки зрения торгового обмена. Кроме того, в мировой производственной цепочке развитые страны создают товары и их бренды, а Китаю уготована роль эти товары производить. Конкурируя с большим числом стран, желающих делать то же самое, Китай зарабатывает очень малую часть полной стоимости этих товаров.

Кукла Барби, произведенная в Китае, продается за 9,99 долл. в США, но лишь один доллар из этой суммы получает производитель. Если мы посмотрим на китайскую экономику под данным углом зрения, то тоже обнаружим внутреннюю структуру центр — периферия. В этой структуре политические, капиталистические и интеллектуальные элиты составляют центр, а обычные люди, вроде рабочих и прочих наемных трудящихся, принадлежат периферии. Если это так, то соответствующие группы имеют возможность получать гораздо большие доходы за счет рабочего класса. По причине эффекта центр — периферия элита в Китае сотрудничает с капиталистами из развитых стран в целях эксплуатации китайских рабочих.

В последнее время все чаще общественное мнение привлекается к проблеме качества продукции. Особенное значение имеет проблема безопасности продуктов питания. Докладчик считает, что одной из причин возникновения этой проблемы является неравномерность в распределении доходов.

Товары низкого качества ориентированы на население с низким уровнем доходов. В условиях, когда доход распределяется крайне неравномерно среди групп населения, должно быть очень значительное число людей, которые не могут позволить себе покупать товары высокого качества. Соответственно, они предпочитают ограничиться потреблением плохих товаров, но заплатить низкую цену. Кроме того, они просто не в состоянии

идентифицировать качество товара. В условиях резкого разрыва в доходах населения страны его значительная часть не придает значения качеству товара. Экономика в такой ситуации обречена на переполненность товарами низкого качества.

Сказанное выше объясняет, каким образом меламин оказался в молочной продукции из Китая. Производители и государство понимали, что проблема мелamina в молочном порошке существует. Но власти должны были закрывать глаза на продажу проблемного молока бедным слоям населения во имя роста ВВП и «обеспечения» неимущих.

Таким образом, можно заключить, что решение проблемы качества производимой в Китае продукции требует выравнивания в уровне доходов населения.

Полностью с материалами круглого стола можно познакомиться на сайте Экономического факультета СПбГУ: www.econ.spbgu.ru.

¹ Мониторинг о текущей ситуации в экономике Российской Федерации в январе–сентябре 2008 г. Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации (<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/mysconnect/economylib/mert/resources/94735e804791cac58a25fe970b786a4a/printversion.html>).

² Прогноз социально-экономического развития РФ на 2009 г. и плановый период 2010 и 2011 годов. Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации (http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/mysconnect/economylib/mert/resources/7887db804ae9108c8cbfdc4234375027/1108_proekt_proгноза__2009-2011.doc).

³ Тихонова Е. Зависимость российской экономики от цен на нефть. 2008. 4 марта. (<http://www.kommentator.ru/accnt/2008/az0304-2.html>).

⁴ Экономические итоги 2007 г. Обзор макроэкономических тенденций (www.forecast.ru).

⁵ Орлова Н., Найденова О. Макроэкономика. Российская экономика в сравнении. Альфа-Банк (<http://www.prime-tass.ru/analytics/files/documents/2008/AlfaBank60.pdf> 09.10.2008).

⁶ Орлова Н., Найденова О. Макроэкономика. Российская экономика в сравнении. Альфа-Банк (<http://www.prime-tass.ru/analytics/files/documents/2008/AlfaBank60.pdf> 09.10.2008).

⁷ Экономические итоги 2007 г. Обзор макроэкономических тенденций (www.forecast.ru).

⁸ Youfsi J. Declining Russian Oil Production Could Lead to \$200 Oil and «Global Recession», Says Deutsche Bank). 2008. June 25 (<http://www.moneymorning.com/2008/06/25/declining-russian-oil-production-could-lead-to-200-oil-and-global-recession-says-deutsche-bank/>).

⁹ Дребенцов В. Не проспайте конец века // Эксперт. 2008. 22 сент. № 37.

¹⁰ Trouble in the pipeline. 2008. May 8 (www.economist.com/business/displaystory.cfm?story_i); Тихонова Е. Зависимость российской экономики от цен на нефть. 2008. 4 марта. (<http://www.kommentator.ru/accnt/2008/az0304-2.html> d=11332313).

¹¹ Зависимость российской экономики от цен на нефть толкает Минфин на сокращение госрасходов (www.bigness.ru/news/2008-09-09/gosrashod/13249).

¹² Russia's Gazprom pessimistic about gas export to China. 2008. Oct. 6 (www.lowincomemarket.com/News.aspx?id=121957595&IQ=oilgas).

¹³ Иноземцев В. В поисках ответа на кризис // Эксперт. 2008. 15 дек. № 49.

¹⁴ Зависимость российской экономики от цен на нефть толкает Минфин на сокращение госрасходов (www.bigness.ru/news/2008-09-09/gosrashod/13249).

¹⁵ Huang Menfu, Hu Deping. Report on China Private Economy. N 3 (2005-2006). Beijing, Social Science Press. P. 105.

¹⁶ Shi Jinchuang, Jim Xiangrong. Institutional Changes and Economic Development: Research on Wenzhou Model. Hangzhou. Zhejiang Press. 2001. P. 25.

¹⁷ Huang Menfu, Hu Deping. Report on China Private Economy. N 3 (2005-2006). Beijing, Social Science Press, 2007. P. 209.

¹⁸ <http://top.rbc.ru/society/18/12/2008/269181.shtml>

¹⁹ Zeng Gu'an, Hu Jingjing. On the Change in Income Gap between Urban and Rural Residents since the end of 1970s and Its Impacts on Urban and Rural Consumption // Economic Review. 2008. N 1.

²⁰ Zeng Gu'an, Hu Jingjing. On the Change in Income Gap between Urban and Rural Residents since the end of 1970s and Its Impacts on Urban and Rural Consumption // Economic Review. 2008. N 1.

В. Е. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент, директор Центра международного партнерства Экономического факультета СПбГУ

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2008 г.